

АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ХРАМА

В результате проведения археологических исследований древней постройки, расположенной на вершине холма Тузлук, были выявлены сильно руинированные остатки прямоугольного в плане христианского храма с двумя разновеликими апсидами, который некогда состоял из двух сообщающихся компартиментов, причём северный оказался значительно уже южного и был открыт с запада (рис. 1.1-1.4). Внутри церкви, в её южной половине, выделяется ограждённое со всех сторон стенами пространство с чётко обозначенным входом с юга. Общие размеры строения: ширина – 5,60-5,70 м, длина – 8,50 м. Толщина стен – около 0,70 м. Азимут – 47°. Остатки сооружения сохранились на высоту до 0,80 м. Кладки храма трёхслойные двухлицевые, выполнены из камня разной величины на грязевом растворе с использованием в качестве вяжущего материковых суглинков. Характер кладочного материала, а также структура и состав грунта, заполнявшего внутренние пустоты конструкции стен, дают основание для вывода о том, что здание неоднократно ремонтировалось.

Сохранившиеся руины строения, несмотря на значительные утраты, позволяют достаточно чётко проследить очерёдность появления отдельных частей храма и получить определённое представление о его архитектонике на разных этапах существования.

Первый строительный период

Первоначальный храм представлял собой прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой, ориентированной на северо-восток. Строение вытянуто продольно. Размеры наоса: внешние – 3,53×5,35 м, внутренние – 2,34×4,15 м. Общая длина сооружения – 6,88 м. Толщина стен – 0,65-0,69 м. Кладки сохранились на высоту 0,20-0,80 м.

Остатки первоначальной апсиды с внутренней стороны и частично сверху закрыты более поздней облицовкой (рис. 1.5-1.14). Ширина алтарного полукружия – около 1,70 м, его глубина – 1,38 м. Внешний диаметр апсиды – 2,13 м. За плоскость стены она выступает на 1,50 м. Ширина плеч: северного – 0,27 м, южного – 0,20 м. Толщина кладки алтарного полукружия – 0,72-0,77 м. Внутренние очертания апсиды в плане могли быть слегка подковообразной формы.

Строение имело, предположительно, три входа – в южной, западной и северной стенах.

Достоверных данных о западном входе в здание нет. Сохранившийся частично северный откос проёма (рис. 1.15-1.17) появился позднее, во время ремонта строения. Вероятнее всего, он повторил первоначальные, утраченные сейчас полностью, формы.

Южный вход впоследствии также был перестроен, но сохранил своё местоположение (рис. 1.18-1.20). Он находится в средней части стены, по отношению к южному и восточному внешним углам здания на расстоянии, соответственно, 2,36 и 1,94 м. Проём в плане прямоугольный. Его размеры на уровне порога: ширина – 1,02 м, глубина – 0,69 м. Расположенная выше часть (третий ряд камней кладки) восточного откоса, нависая, выступает внутрь проёма и сужает просвет до 0,92 м. Кроме того, она немного развёрнута в сторону помещения. Судя по наличию обломков известковой штукатурки в кладочном растворе, не исключена возможность её относительно позднего происхождения.

Северный вход при восстановлении здания в третьем строительном периоде был заложен и в настоящий момент выделяется на фоне сохранившейся кладки лишь благодаря двум чётким относительно вертикальным швам, обозначившим его края, и отложениям культурного слоя на уровне порога в нижней части проёма (рис. 1.21-1.22). Зондированием конструкции выявлены откосы проёма и остатки их штукатурки (рис. 1.23-1.24). По отношению к северному и западному внешним углам строения вход расположен на расстоянии 1,45 и 3,38 м. Со стороны помещения он находится, соответственно, в 0,70 м от апсиды и 2,60 м от передней стены. Проём в плане имеет вид прямоугольной трапеции с немного скошенной западной гранью, сужается наружу. Его размеры: просвет – 0,70 м, внутренняя ширина – 0,74 м, глубина – 0,70 м. Характерной особенностью обоих откосов проёма на исследованном участке является то, что формировавшие их угловые камни кладки между собой образуют достаточно большой зазор шириной 0,07 м, который был заполнен глинистым грунтом и затем покрыт известковым раствором. Толщина: штукатурного слоя – 0,5-1,0 см, шва между конструкцией стены и закладкой входа – 0,5-2,4 см.

Сведений об окнах, каких-либо других проёмах и нишах в материалах археологических исследований нет.

Кладка стен трёхслойная двухлицевая, выполнена из камня разной величины на грязевом растворе с использованием в качестве вяжущего глинистого грунта без явных примесей. Характерной особенностью конструкции является применение относительно большого количества булыг (рис. 1.7; 1.18). Судя по тому, что при возведении стены, по крайней мере, в кладке её нижней части активно использовался окатанный морем или речным течением бут, надо полагать, строители старались учитывать прочность камня. Остальной кладочный материал, собранный в ближайших окрестностях строения, представлен, в основном, блоками аргиллитов и песчаника, которые, хотя и образуют относительно

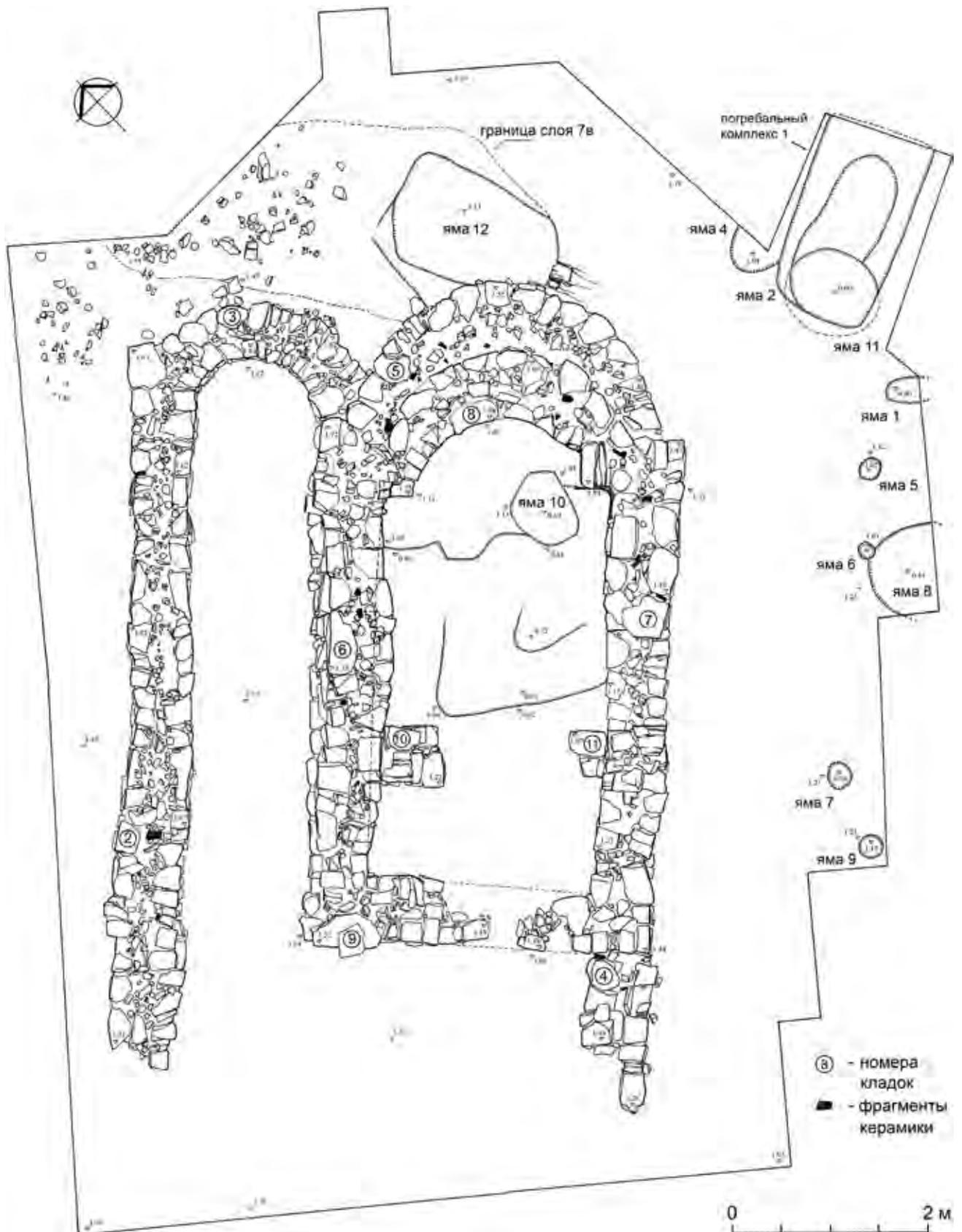

Рис. 1.1. Обмерный план храма.
Fig. 1.1. Plan of the church.

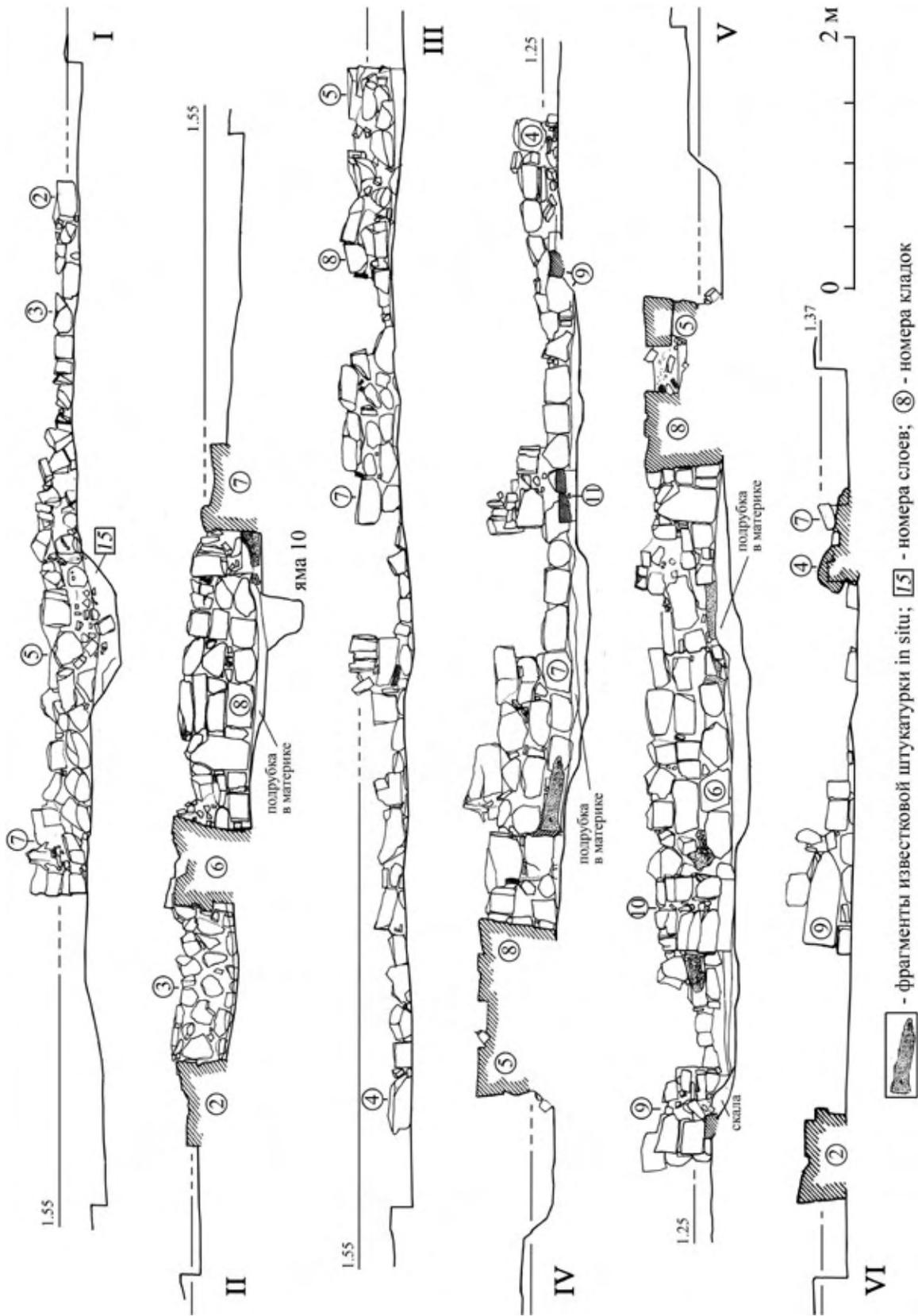

Рис. 1.2. Виды и разрезы храма: I – северо-восточный фасад; II – алтарные полуколонны, вид с юго-запада; III – юго-западный фасад; IV – продольный разрез южного компартимента, вид с северо-запада; V – продольный разрез южного компартимента, вид с юго-востока; VI – поперечный разрез у передней стены строения, вид с юго-запада.
 Fig. 1.2. Views and sections of the church: I – northeastern front; II – apses, view from southwest; III – apses, view from southeast; IV – longitudinal section of the southern part, looking southeast; V – longitudinal section of the southern part, looking northwest; VI – lateral section at the front wall, looking northeast.

Рис. 1.3. Виды и разрезы храма (продолжение): VII – поперечный разрез нартекса и северного компартимента, вид с северо-востока; VIII – поперечный разрез по южному входу, вид с северо-востока; IX – поперечный разрез нартекса и северного компартимента, вид с юго-запада; X – северо-западный фасад; XI – продольный разрез северного компартимента, вид с юго-востока; XII – продольный разрез северного компартимента, VIII – латеральный разрез северного компартимента, вид с северо-запада.

Fig. 1.3. Views and sections of the church (continue): VII – lateral section of the narthex and northern part, looking southeast, looking south-west; IX – lateral section of the narthex and northern part, looking northeast; X – northwestern front; XI – longitudinal section of the northern part, looking northwest; XII – longitudinal section of the northern part, looking southeast.

ровные сколы, отличаются повышенной анизотропией. Как следствие, во внешних слоях конструкции многие камни, выставленные плоскими гранями наружу, в процессе эксплуатации здания покрылись сквозными вертикальными трещинами и расслоились, а местами даже утратили лицевые поверхности (рис. 1.10; 1.46; 1.47). Отмечено использование нескольких обломков конгломерата. Лишь на одном из участков кладки – северного внешнего угла церкви, однозначно принадлежавшего первоначальному сооружению, выявлено применение фрагмента калиптера для заполнения зазора между отдельными камнями (рис. 1.38). Все остальные случаи подобного применения боя керамических изделий при возведении стен храма соотносятся уже с ремонтами здания.

Алтарное полукружие завершалось каменным перекрытием в виде конхи со сферической поверхностью. Возможно, первоначальной конструкции данного свода принадлежали однотипные плиты из известкового туфа, которые во время раскопок были найдены в юго-западной части здания (рис. 2.9-2.11). В культурном слое они залегали компактно и, видимо, оказались там при разборке руин храма. Обработка всех плит одинаковая, плоскости сформированы чётко выраженными сколами от ударов лопатки инструмента. На переднем торце каждой детали сохранились остатки известковой штукатурки, в том числе с частично уцелевшей лицевой поверхностью, которая густо покрыта характерными мелкими бороздками от её выравнивания пучком травы. На всех остальных гранях отсутствуют даже малейшие признаки какого-либо раствора, на основании чего можно утверждать, что кладка конхи велась на грунтовом замесе с использованием в качестве вяжущего материковых суглинков, не оставивших никаких следов на поверхности камня после разрушения конструкции.

Исходя из незначительной прочности несущих стен, перекрытие наоса, вероятнее всего, было стропильным на два ската с черепичной кровлей (рис. 1.63). Завершение храма не отличалась особой надёжностью и, судя по характерным намывам грунта в структуре культурного слоя, не обеспечивало достаточной защиты от атмосферных осадков. Впрочем, протечки кровель в византийских строениях были постоянной проблемой и неизбежно приводили к ослаблению конструкций, вызывая необходимость их замены (Оустерхаут 2005: 160).

С внутренней стороны строения кладки стен были оштукатурены известковым раствором (рис. 1.25-1.35). Толщина слоя – 0,5-2,0 см. Поверхность покрытия неровная, со следами затирки травой (рис. 1.28; 1.35). Штукатурка нанесена непосредственно на поверхность камня, на отдельных участках пустоты и швы кладки предварительно выравнивались плотным суглинком характерного серо-оливкового цвета (рис. 1.25; 1.27; 1.31; 1.32; 1.34). Мощность подготовительного слоя составляет 0,5-11,0 см. На стыке с полом известковое покрытие стен скругляется и немного заступает на его поверхность (рис. 1.26; 1.29; 1.30).

Остатки штукатурки южного заплечика апсиды сохранились *in situ* и чётко прослеживаются на протяжении 0,37 м (рис. 1.25-1.28). Фиксируя первоначальные габариты сооружения, они почти на 0,10 м выступают за пределы его кладки, ширина которой на том же уровне равна всего 0,34 м. Такая разница в размерах, если, конечно, её не обуславливала утрата части угла вследствие расслоения нижнего камня, легко могла быть устранена при оштукатуривании стен с помощью предварительного выравнивания неровностей кладки глиной, что, видимо, в своё время и произошло. По крайней мере, подобная подготовка конструкции под нанесение известкового покрытия выполнена со стороны наоса (рис. 1.25). Толщина формовочной массы составляет 0,5-3,0 см. Аналогичным образом была создана также относительно ровная поверхность сильно западающей части кладки противоположного заплечика, где средняя мощность выравнивающего слоя глины колеблется в пределах 6,0-8,0 см, а максимальная достигает 11,0 см (рис. 1.25; 1.29-1.31).

Стены здания фундамента как такового не имели. Практически повсеместно они поставлены на дно строительного котлована, плотно примыкая к его бортам. Основанием для них являются материковые суглинки с локальными обнажениями аргиллитов. Исключение составляет северный угол строения и смежная часть апсиды. Их кладки выступают за пределы выемки, перекрывая предшествовавшие им отложения культурного слоя (рис. 1.38).

Пол строения земляной, относительно ровный. По отношению к дневной поверхности снаружи здания он заглублён на 0,15-0,20 м.

Площадка алтарного полукружия со стороны наоса имеет криволинейные очертания. Примыкая к южному заплечику, у северного она выступает внутрь храма на 0,55 м, возвышаясь при этом над остальной поверхностью пола на 0,13-0,18 м.

Сведения о декоративном убранстве строения скудны. Судя по находкам нескольких разрозненных обломков известковой штукатурки с остатками монохромной росписи (рис. 1.36), отдельные участки поверхности стен внутри здания могли быть украшены несложным линейным орнаментом либо надписями, выполненными красной краской. В качестве элементов оформления интерьера можно рассматривать многочисленные металлические кресты, являвшиеся votivными приношениями в церковь, которые были обнаружены во время раскопок (рис. 5.1-5.6) (подробнее см. ниже главу 5 «Металлические кресты»). Одни, с заострённым и отогнутым нижним концом (группа I), крепились к конструкциям здания, другие, с отверстиями для подвешивания, могли помещаться на алтарную преграду, следы которой не сохранились, но которая могла существовать в виде завесы, отделявшей алтарь от наоса, или на стены храма (см. ниже главу 14 «Литургические особенности храма»). Внутреннее пространство строения освещалось в богослужебных целях стеклянными лампадками

Рис. 1.4. Кладки нижней части стен храма. Общий вид с юго-запада.
Fig. 1.4. Wall masonry of the church, low rows, view from southwest.

(рис. 4.1-4.4) (см. ниже главу 4 «Стеклянные сосуды»).

Второй строительный период

На данном этапе первоначальный храм был дополнен Г-образной в плане пристройкой, которая, судя по отсутствию в стратиграфии характерных разделительных прослоек (рис. 2.1; 2.2), могла появиться здесь сразу же после возведения основного объёма либо по истечению непродолжительного времени. Она, охватывая здание с севера и запада, представляла собой боковой компартимент, совмещённый с притвором и соединённый с основным объёмом храма дверным проёмом (рис. 1.1; 1.4; 1.39; 1.69). С восточной стороны помещение завершалось полукруглой апсидой. Археологических или архитектурных данных о западной части пристройки нет. Её южная стена присоединена к основному сооружению заподлицо с его боковым фасадом и имеет вид удлинённого пилона (рис. 1.46-1.48).

С внутренней стороны строения апсида плавно сопряжена с продольными стенами (рис. 1.38-1.44). Снаружи она образует чётко выраженное плечо шириной 0,37 м (рис. 1.43; 1.44). Её диаметр: внешний – 1,20 м, внутренний – 0,63 м. Толщина кладки – 0,57-0,59 м. За пределы компартимента алтарное полукружие выступает на 0,45 м.

В отличие от кладки северного плеча первоначального здания, подстилаемой отложениями культурного

слоя, примыкавший к нему вплотную южный край второй апсиды, как и всё сооружение, впущен в материк (рис. 1.38). Разница в уровнях залегания обеих конструкций свидетельствует об их относительной разновременности. Старые и новые кладки между собой на стыках не перевязаны.

Ширина компартимента в западной части – 1,34 м, на восточном конце она уменьшается до 1,26 м. Протяжённость всего помещения была не менее 6,80 м. Глубина апсиды – 0,57 м.

Об архитектурном решении западной части храма можно судить только предположительно. Остатков кладки передней стены пристройки не сохранилось. Более того, раскопками не отмечено даже их следов или каких-либо признаков повреждения культурного слоя, неизбежных в случае выборки камней конструкции. Вероятнее всего, здание спереди было открытым, а навес поддерживался боковыми стенами и промежуточными опорами¹. Учитывая в целом небольшой пролёт соору-

¹ Своего рода аналогией такого обустройства пространства перед западным входом в строение может служить пример близкого по времени жилого дома на поселении около с. Передового (Севастополь, Крым), кстати, ориентированного по сторонам света идентично семидворскому храму (Якобсон 1970: 85). Подобное архитектурное решение использовано и в одном из зданий поселения Сотеры вблизи Алушты второй половины VIII – первой половины IX в. (Теліженко, Тесленко, Лисенко 2010: рис. 1). Открытый спереди портик в антах с двумя промежуточными опорами применён в церкви позднесредневекового монастырского скита на мысе Виноград-

Рис. 1.5. Апсиды храма. Вид с юго-востока.
Fig.1.5. Apses of the church, view from southeast.

жения – 4,15 м, для того, чтобы обеспечить нормальную работу всей конструкции и избежать провисания балки, достаточно одного деревянного столба. Отсутствие со-

ный (XIII–XIV вв.) (Севастополь, Крым) (Яшаева 1996: 146, рис. 3, 5). В храме над балкой Кая-Арасы (около Кыз-Кермена, Бахчисарайский район, Крым), предварительно датированном XIV в., к западному фасаду со временем был пристроен нартекс, возможно, также открытый со стороны входа (Белый 1992: 146, 149, рис. 3: 9).

ответствующих выемок в основании позволяет предполагать, что опора могла быть поставлена на каменную плиту, впоследствии также утраченную. Судя по остаткам юго-восточной стены, вынос навеса составлял 1,65–1,80 м.

Возможна также и иная реконструкция передней части крыши (рис. 1.64; 1.65). Поскольку никаких следов промежуточной опоры не выявлено, хотя близкие

Рис. 1.6. Южная апсида. Фрагмент. Кладка первого строительного периода. Вид с северо-востока.
Fig. 1.6. Southern apse, wall masonry of the first building period, view from northeast.

Рис. 1.7. Южная апсида. Фрагмент. Кладки первого и третьего строительных периодов. Вид с северо-востока, сверху.
Fig. 1.7. Southern apse, wall masonry of the first and third building periods, view from northeast.

Рис. 1.8. Соединение алтарных полуокружий храма. Северное плечо апсиды южного компартимента. Вид с юго-востока, сверху.
Fig. 1.8. Joint of apses, northern part of the southern apse, view from southeast.

Рис. 1.9. Южная апсида. Фрагмент. Южное плечо. Вид с юго-востока.
Fig. 1.9. Southern apse, fragment, southern part, view from southeast.

ей по времени столбы навеса южного входа были впущены в материк (рис. 1.66), велика вероятность того, что консольно выступавшие концы конькового бруса и среднего мауэрлата могли поддерживаться деревянными подкосами – архитектурно-конструктивной деталью, достаточно распространённой в средневековом строительстве причерноморского региона.

Кладки пристройки трёхслойные двухлицевые. В заполнении внутреннего пространства конструкции местами отмечены фрагменты керамической черепицы. На одном из участков внешней продольной стены протяжённостью 2,10 м, расположенном в 1,35 м от северного угла здания, забутовка состоит практически из одних мелких обломков известкового туфа (рис. 1.45). В кладке почти нет булыг. Исключением является угловая плита со скруглёнными краями, формировавшая плечо апсиды (рис. 1.44). В нижней части апсиды использованы также два грубо околотых обломка мшанкового известняка (рис. 1.43; 1.44).

Третий строительный период

В это время здание претерпевает капитальную реконструкцию, которая сопровождалась существенным изменением предыдущей плановой схемы. Ей предшествовало разрушение или серьёзное повреждение всего сооружения.

Характер кладки на участке северного входа, упразднённого в этом периоде, позволяет определить состоя-

Рис. 1.10. Южная апсида. Фрагмент. Южное плечо. Вид с юго-востока, сверху.

Fig. 1.10. Southern apse, fragment, southern part, view from southeast.

ние стен храма во время их ремонта. Судя по тому, что проём заложен крупным камнем, примыкавшим вплотную к откосам, а на высоте 0,50 м от уровня пола была предпринята перевязка старой и новой конструкции (рис. 1.21; 1.22), есть основание считать, что к началу работ стена выше этой отметки была почти полностью утрачена либо подверглась разборке. Остальные части строения сохранились ещё хуже. На юго-восточной и юго-западной стенах здания признаки обновления вид-

Рис. 1.11. Южная апсида. Южное заплечико первого строительного периода с остатками известковой штукатурки и лицевой слой кладки апсиды третьего строительного периода. Вид с юго-запада.

Fig. 1.11. Southern apse, southern part with remains of mortar of the first building period and facing of wall masonry of the apse in the third building period, view from southwest.

Рис. 1.12. Южная апсида. Фрагмент. Южное заплечико первого строительного периода с остатками известковой штукатурки и облицовка апсиды третьего строительного периода. Вид с юго-запада.

Fig. 1.12. Southern apse, fragment, southern part with remains of mortar of the first building period and facing of the apse in the third building period, view from southwest.

Рис. 1.13. Южная апсида. Фрагмент. Северное заплечико, кладка третьего строительного периода. Вид с юго-запада.
Fig. 1.13. Southern apse, fragment, northern part, wall masonry in the third building period, view from southwest.

ны уже на уровне второго ряда камней кладки.

Показательным является способ восстановления апсиды первоначального храма. Уцелевшие к настоящему времени остатки её кладки демонстрируют состояние алтарного полукружия накануне ремонта (рис. 1.5; 1.7; 1.11; 1.25). Высота руин данного сооружения к этому моменту составляла всего 0,30-0,50 м. Более того, край северного заплечика, как показало зондирование кладки, уже был полностью утрачен (рис. 1.13; 1.14; 1.29; 1.30). Новая апсида построена к остаткам прежнего алтарного полукружия с внутренней стороны и частично перекрывает их, заступая на 0,10-0,30 м своей внешней частью (рис. 1.7; 1.8). Первоначальное значение и форму (если не учитывать утрату штукатурного слоя) при вторичном использо-

Рис. 1.14. Южная апсида. Фрагмент. Северное заплечико, кладка третьего строительного периода. Вид с юго-востока.
Fig. 1.14. Southern apse, fragment, wall masonry of the northern part in the third building period, view from southeast.

вании сохранило лишь южное заплечико. Противоположный выступ апсиды был полностью переложен и вынесен вперед (внутрь наоса) на 0,15 м. Его ширина равна 0,29 м (рис. 1.1; 1.25).

Характерной особенностью новой конструкции алтарной ниши является то, что тыльная сторона её кладки на этом уровне (в пределах вскрытого зондажом участка протяжённостью 0,70 м), практически вплотную примыкая к первоначальному сооружению, имеет прямолинейный абрис и чётко выраженный лицевой слой (рис. 1.8; 1.25). Учитывая сильно уплощённую боковую (южную) поверхность, внутренние очертания ранней апсиды в виде половины правильного восьмигранника в принципе возможны, но маловероятны. Аналогии такой формы нам неизвестны², и логика строителя остаётся непонятной. Более допустимой, как вариант реконструкции, представляется попытка (нереализованная до конца) создания новой апсиды с ломаным внешним контуром плана. Размеры алтарного полукружия после ремонта: пролёт – 1,73 м, глубина – 0,82 м. Его диаметры (центры не совпадают): внутренний – 0,85 м, внешний – 1,44 м. За пределы стены наоса апсиды выступала на 0,85 м. Толщина её кладки: на уровне первоначальных руин – 0,42-0,54 м, в верхней части – 0,59 м.

Новым архитектурно-конструктивным элементом строения стало появление внутри храма массивной

² Правда, в научный оборот введена информация о базилике «с тремя расположенными на одной линии апсидами, полукруглыми снаружи и полигональными изнутри», которая представляется сомнительной. Сам храм находится на юге Кипра в Аматонте и датирован «приблизительно юстиниановской или даже постюстиниановской эпохой» (Хрушкова 2002: 127; со ссылкой на: Pralong 1994: 423-427, fig. 2). Частичная параллель прослеживается лишь в локальной группе армянских церквей на территории северного Ирана, внутренний абрис алтарного пространства которых в плане имел гранёную форму, но при этом восточная часть строения с внешней стороны была решена традиционно – в виде прямоугольника, а сама апсида из плоскости стены основного объёма не выступала (Alprago-Novello 1978: fig. 65, 66).

Рис. 1.15. Передняя стена южного компартамента. Вид с северо-востока, со стороны помещения.
Fig. 1.15. Front wall of the southern part of the church, view from northeast, interior.

Рис. 1.16. Передняя стена южного компартамента. Фрагмент. Вид с северо-востока, сверху.
Fig. 1.16. Front wall of the southern part, view from northeast, from interior.

Рис. 1.17. Передняя стена южного компартимента. Фрагмент. Лицевой слой кладки фасада.

Справа – откос проёма западного входа в храм. Вид с юго-запада.

Fig. 1.17. Front wall of the southern part, fragment, front wall masonry, right - esconson of western doorway to the church, view from southwest.

Рис. 1.18. Южный вход в храм. Вид с юго-востока.

Fig. 1.18. Southern entrance to the church, view from southwest.

каменной перегородки, поперечно разделившей пространство основного, южного, объёма на два смежных помещения – нартекс и наос (рис. 1.1; 1.46; 1.50; 1.66; 1.68; 1.69). Их протяжённость – соответственно, 0,90-1,22 и 2,45 м. В настоящее время данное сооружение представляет собой деформированные остатки двух кладок разной толщины (северо-западная равна 0,59-0,60 м, юго-восточная – 0,43 м), примыкавших к боковым стенам без перевязки (рис. 1.50-1.54). Оба

помещения соединялись между собой проходом шириной не более 0,97 м. Учитывая то, что северо-западная часть перегородки была более массивной, вероятно, она одновременно служила своеобразным контрфорсом для продольной стены.

В отличие от кладки между нартексом и наосом, которую подстилают седименты первоначального пола (рис. 1.51-1.54), новая апсида с внутренней стороны была поставлена непосредственно на материковую по-

Рис. 1.19. Южный вход в храм. Вид с северо-запада, со стороны наоса.
Fig. 1.19. Southern entrance to the church, view from northwest, from naos.

Рис. 1.20. Южный вход в храм. Порог третьего строительного периода. Вид с юго-востока, сверху.
Fig. 1.20. Southern entrance to the church, threshold of the third building period, view from southeast.

Рис. 1.21. Северный вход в храм. Закладка проёма в третьем строительном периоде. Вид с юго-востока.
Fig. 1.21. Northern entrance to the church, closing of the doorway between northern and southern parts of the church in the third building period, view from southeast.

Рис. 1.22. Северный вход в храм. Закладка проёма третьего строительного периода. Вид с северо-запада.
Fig. 1.22. Northern entrance to the church, closing of the doorway between northern and southern parts of the church in the third building period, view from northwest.

Рис. 1.23. Северный вход в храм. Фрагмент. Шов между кладками первого и третьего строительных периодов, остатки известковой штукатурки на западном откосе проёма. Вид с юго-востока, сверху.

Fig. 1.23. Northern entrance to the church, fragment, joint between the masonry wall of the first and third building periods, remains of mortar on the western esconson of the doorway, view from southeast, from above.

верхность алтарной площадки (рис. 1.11).

При восстановлении строения все основные компоненты слоя разрушения храма были применены повторно. После выборки камня из завала, отложения глинистого грунта, ранее скреплявшего конструкцию стены, теперь уже с примесью обломков известковой штукатурки и остеологических остатков – основных сигнатов ремонтных преобразований здания, вновь были использованы для приготовления кладочного раствора. Повышенная насыщенность грунта, повсеместно заполнявшего пустоты кладки северного откоса проёма западного входа (рис. 1.55-1.57), мелкими костями животных позволяет предполагать, что при расчистке пола были потревожены и перемещены соответствующие отложения дневной поверхности, оказавшиеся затем в замесе.

Все без исключения продольные кладки здания, как появившиеся в данном строительном периоде, так и предшествующие им, имеют явно выраженные деформации, судя по одинаковым признакам, единовременного происхождения. Северо-западная и средняя стены по всей длине наклонены к юго-востоку (рис. 1.49). Крен составляет: ближе к углам – 8-12°, в центре – 20-25°. Более того, они сильно искривлены и сдвинуты по отношению к нижнему ряду камней кладки (рис. 1.44).

Рис. 1.24. Северный вход в храм. Фрагмент. Шов между кладками первого и третьего строительных периодов, остатки известковой штукатурки на восточном откосе проёма. Вид с запада.

Fig. 1.24. Northern entrance to the church, fragment, joint between the masonry wall, remains of mortar on the western esconson of the doorway, view from west.

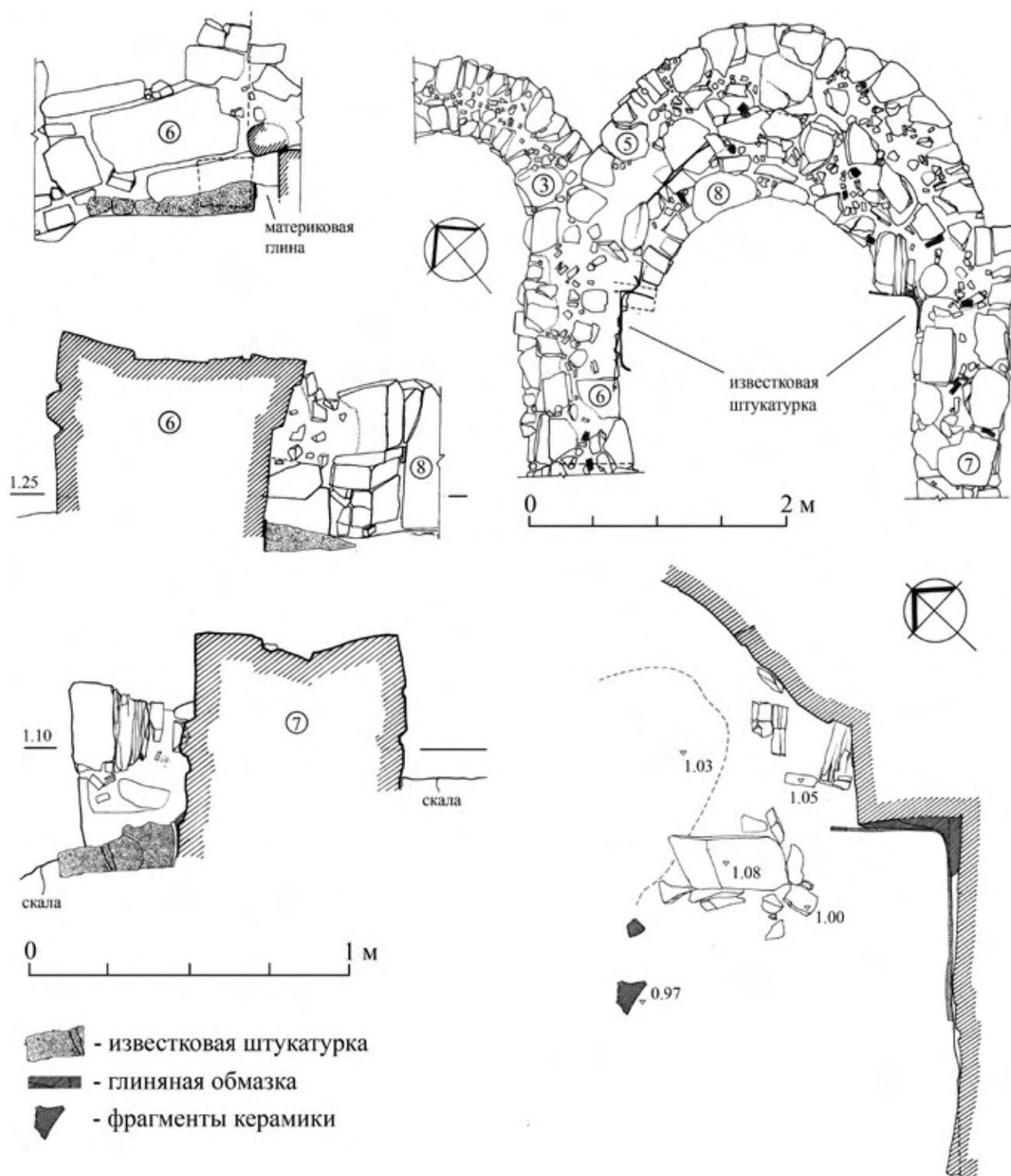

Рис. 1.25. Остатки известковой штукатурки, обнаруженные *in situ* на стенах южного компартимента в алтарной части храма.
План и виды.

Fig. 1.25. Remains of mortar *in situ* on the wall of the southern part of the church in the altar, plan and views.

Рис. 1.26. Остатки известковой штукатурки в восточном углу южного компартамента. Общий вид с запада.
Fig. 1.26. Remains of mortar in the eastern corner of the southern part of the church, view from west.

Рис. 1.27. Остатки известковой штукатурки на южном заплечике. Вид с юго-запада, сверху.
Fig. 1.27. Remains of mortar on the southern part of the apse, view from southwest.

Рис. 1.28. Остатки известковой штукатурки на южном заплечике. Вид с юго-запада.
 Fig. 1.28. Remains of mortar on the southern part of the apse, view from southwest.

Рис. 1.29. Остатки известковой штукатурки на северном заплечике наоса.
 Кладки апсиды первого и третьего строительных периодов. Вид с юга.
 Fig. 1.29. Remains of mortar on the northern part of the naos,
 wall masonry of the apse in the first and third building periods, view from south.

Рис. 1.30. Остатки известковой штукатурки на северном заплечике наоса.
Кладки апсиды первого и третьего строительных периодов. Вид с юго-востока.
Fig. 1.30. Remains of mortar on the northern part of the naos,
wall masonry of the apse in the first and third building periods, view from southeast.

Рис. 1.31. Остатки известковой штукатурки на северном заплечике наоса. Вид с юго-запада, сверху.
Fig. 1.31. Remains of mortar on the northern part of the naos, wall masonry of the apse, view from southwest.

Рис. 1.32. Остатки известковой штукатурки на северо-западной стене южного компартимента.

Справа – кладка перегородки третьего строительного периода. Вид с юга.

Fig. 1.32. Remains on the northwestern wall of the southern part of the church,
right - wall masonry of the partition of the third building period, view from south.

Особенно показательна средняя стена, прежде всего, небольшой участок её конструкции протяжённостью 1,65 м, который примыкает к сохранившему своё первоначальное положение массивному угловому блоку и, помимо прочего, немного развёрнут к востоку (рис. 1.1; 1.4; 1.17; 1.51; 1.53). Смещение данной кладки относительно продольной оси, возможно, было обусловлено наличием перегородки нартекса, проявившей себя как контрфорс. Та, очевидно, удержала на месте и соответствующий участок противоположной боковой стены – южной, обусловив ощутимый сдвиг кладки восточного откоса входа внутрь. Учитывая характер деформаций и структуру культурного слоя, разрушение основных конструкций строения, вероятнее всего, было вызвано сильным сейсмическим явлением, предположительно, ялтинским землетрясением рубежа X–XI вв. (Хапаев 2010: 12-13, 15-16), хотя керамические материалы вроде бы указывают на более раннее время прекращения функционирования храма (см. ниже главу 3 «Керамика» и главу 13 «Хронология строительных периодов»).

Стратиграфические наблюдения и факт упразднения прохода между компартиментами, приведшего к обособлению основного объёма постройки, свидетельствуют, что северная часть храма во время реконструкции не восстанавливалась. При этом с южной стороны здания,

видимо, появляется односкатный навес с черепичной кровлей, примыкавший к церкви по всей длине стены (рис. 1.66). Конструкция сооружения была деревянной. Перекрытие поддерживалось двумя парами круглых столбов, три ямы от которых выявлены раскопками (рис. 1.1). Опоры были заглублены в материк на 0,06-0,18 м. Их диаметр – около 0,17-0,22 м. Шаг стоек: по краям – 0,80 м, посередине – 3,00 м. Пролёт конструкции составлял 1,90-2,25 м.

Четвёртый строительный период

В это время внутри рунированного строения появляется новая кладка (кл. №1). Она расположена поперечно, точно посередине южного компартимента и примыкает без перевязки к северо-западной стене в створе юго-восточного входа (рис. 1.58-1.61). Конструкция трёхслойная двухлицевая, сложена из разномерного бута аргиллита и песчаника на грязевом растворе с зачеканкой пустот мелким камнем. Размеры кладки: длина – 2,85 м, толщина – 0,50-0,67 м. Сооружение сохранилось на высоту до 0,28 м.

Явно дополняя остатки стен северо-восточной половины строения, данная кладка, вероятнее всего, предназначалась для обособления наиболее сохранившейся

части храма, что позволяло его дальнейшее использование в качестве своеобразной часовни (рис. 1.67). Впрочем, возможны и иные варианты использования этого объёма.

Заключение

В течение своего относительно непродолжительного существования, датированного материалами раскопок в пределах второй половины IX – первой половины X в., семидворский храм дважды основательно перестраивался (рис. 1.62-1.68). Появившись как прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой и тремя входами, он был практически сразу дополнен капитальной пристройкой с собственным алтарным полукружием и стал двухапсидным, а затем, после реконструкции, опять превратился в однефную церковь классического облика, характеризующуюся наличием нартекса и лишь двумя входами, южный из которых имел деревянный навес с черепичной кровлей.

В своём первоначальном виде семидворский храм принадлежит к одному из самых распространённых в средневековом мире типу христианских церковных построек, представленному многочисленными вариантами. Для них обычными являются относительно небольшие размеры, прямоугольная в плане форма наоса с отношением длины к ширине как 5:3, один вход – спереди или сбоку, а также выступающая наружу полукруглая или гранёная апсида. Перекрытие основного объёма строения стропильное либо сводчатое, алтарное полукружие завершалось конхой. На территории Крымского полуострова подобные сооружения получили распространение главным образом после IX в. и возводились до самого позднего времени. Они могли несколько различаться своими пропорциями, отдельными архитектурно-конструктивными деталями и декоративным убранством (Кеппен 1837: 15-20; Бертье-Делагард 1907: 30-31; Домбровский 1974: 36-37; Фирсов 1990: 90-91, 229, 386, 403-404, 414-416; Лосицкий 1990: 36-37, 46; Адаксина 2002: 7-9, 13, 21-22, рис. 5-22, 143; Романчук 2000: 234-243; Айбабина, Бочаров 2002; Лысенко, Тесленко 2002б; Бочаров 2004; Кирилко, Мыц 2004: 214-217; Дьячков 2004; Тесленко, Лысенко 2004б; Кирилко 2010; Адаксина, Мыц 2008: 11-21, рис. 81-131; Адаксина, Мыц, Ушаков 2010: 46-54, 59-60, рис. 152-189).

Рис. 1.33. Остатки известковой штукатурки на северо-западной стене южного компартимента. Справа – кладка перегородки третьего строительного периода. Вид с юго-востока.

Fig. 1.33. Remains of mortar of the northwestern wall of the southern part of the church, right - wall masonry of the partition of the third building period, view from southeast.

Тип строения и основные формы первоначального семидворского храма в целом являются характерными для средневекового культового зодчества региона. Тем не менее, другие церковные здания с тремя входами, аналогичные ему, в Таврике неизвестны³. Как исключение, можно привести отдельные примеры одновременного использования нескольких, в данном случае – лишь двух дверных проёмов в малых храмах средневекового Крыма, что получило распространение в строениях, соотносимых с традициями армянской культовой архитектуры (Якобсон, Таманян 1992: рис. 2, 6, 7; Айбабина, Бо-

³ За пределами Крыма с церквами этого типа в определённой мере соотносимы отдельные храмы Абхазии, плановая схема которых обуславливались либо требованиями ритуала, либо позднее появившимися приделами (Воронов 2002: рис. 11: 9, 18, 31, 33, 34; Армарчук 2010: 181, 186, илл. 1; 5: 1).

Рис. 1.34. Остатки известковой штукатурки на северо-западной стене южного компартимента.

Слева – кладка перегородки третьего строительного периода. Вид с юго-востока.

Fig. 1.34. Remains of mortar of the northwestern wall of the southern part of the church, left - wall masonry of the partition of the third building period, view from southeast.

Рис. 1.35. Остатки известковой штукатурки со следами затирки поверхности травой.

Fig. 1.35. Remains of mortar with traces of treatments of the surface by grass.

чаров 1997: 214, табл. 3; Кирилко 2008: 41-43). В самой Армении наличие двух входов было обычным явлением, причём боковой нередко считался главным и украшался роскошнее западного (Токарский 1973: 18-19). На сопредельных территориях, в Грузии, устройство двух дверей в церквах, по мнению Н.Г. Чубинашвили, обу-

славлялось необходимостью разделить паству: южный вход предназначался для мужчин, западный же, с проходом через нартекс – для женщин. Соответственно, внутри строения центральное пространство храма отводилось мужчинам, западное – женщинам (Чубинашвили 1978: 8).

Отметим здесь же, что традиция применения в интерьере храма votивных железных крестов имеет северокавказские параллели (Минаева 1951: 294, рис. 22: 8; Крупнов 1971: 44, 112, 186, 196, рис. 44; Хрушкова 2002: 184, рис. 61) (об этом феномене см. главу 5 «Металлические кресты»). Подобные находки известны на многих других памятниках Крыма, датируемых обычно VIII–X вв. и позднее. В ряде случаев они соотносятся с территориями, где отмечено присутствие алан, черкесов и лазов.

Двухапсидные храмы – слабо изученное явление средневековой культовой архитектуры, хотя они известны на обширной территории, включающей в себя регионы Причерноморья и Средиземноморья, от Кавказа и Малой Азии на юго-востоке до Корсики на западе. Больше всего подобных памятников встречается в островной Греции, северный ареал представлен локальной зоной в пределах Московского княжества (Хрушкова 2002: 93-95; Альтшуллер 1977: 156-173).

В Крыму двухапсидные церкви единичны и до сих

Рис. 1.36. Фрагменты штукатурки с остатками росписи красной краской.

Fig. 1.36. Fragment of mortar with traces of the wall red painting.

пор традиционно считаются уникальными постройками (Мордвинцев, Кисиль 2002: 187-191; Лосицкий 2002: 134; Кирилко 2012). Ни одна из них не имеет абсолютного сходства с семидворским храмом.

Попытки понять природу и причины появления подобных церквей в культовом строительстве средневекового мира предпринимались неоднократно (см. также

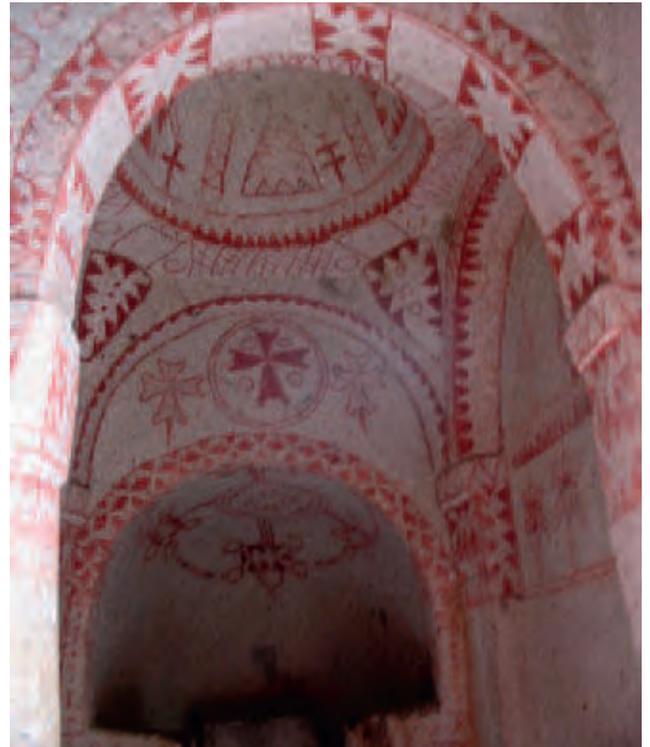

Рис. 1.37. Монохромная роспись храма св. Варвары в Гёреме, Каппадокия. VIII в. Фото Дик Оссеман.

Fig. 1.37. Monochrome wall painting of the St Barbara church, Göreme, Cappadocia, 8th century, photo by Dick Osseman.

Рис. 1.38. Место соединения апсиды северного компартимента с первоначальным храмом. Вид с северо-запада.

Fig. 1.38. Joint of the northern apse to the church building of the first building period, view from northwest.

Рис. 1.39. Кладки нижней части стен северного компартамента храма. Общий вид с юго-запада.
 Fig. 1.39. Wall masonry of the northern part of the church, low rows, view from southwest.

Рис. 1.40. Примыкание апсиды северного компартамента к первоначальному храму. Вид с юго-запада, сверху.
 Fig. 1.40. Joint of the northern apse to the church building of the first building period, view from southwest.

Рис. 1.41. Северная апсида. Общий вид с юго-востока.
Fig. 1.41. Northern apse, view from southeast.

Рис. 1.42. Северная апсида. Вид с юго-запада.
Fig. 1.42. Northern apse, view from southwest.

Рис. 1.43. Северная апсида. Общий вид с северо-востока, сверху.
Fig. 1.43. Northern apse, view from northeast.

Рис. 1.44. Северный компартимент храма. Общий вид с севера.
Fig. 1.44. Northern part of the church, view from north.

главу 14 «Литургические особенности храма»). К настоящему времени обозначилось несколько научных позиций, формирование которых происходило, как правило, регионально – по мере выделения локальных групп сооружений данного типа на определённой территории.

Многочисленными памятниками двухапсидные церкви представлены в армянской архитектуре, имевшей существенное влияние на развитие крымского зодчества. По мнению О.Х. Халпахчьяна, они являются эволюционным этапом, завершавшим стадию развития обычного культового строения – совмещение в одном здании двух совершенно равнозначных храмов. Более того, исследователь выделяет их как самостоятельный оригинальный тип церквей-усыпальниц, получивших распространение в XII–XIV вв. Известны постройки как с одинаковыми апсидами, так и с апсидами разной величины, когда южная оказывается больше северной (Халпахчьян 1954; 1966: 260, рис. 90).

В Грузии и Восточном Причерноморье двухапсидные здания представлены несколькими яркими примерами – раннесредневековой, вероятно, второй половины VI в. церковью № 5 Пителинта-Бичвинта (Хрушкова 2002: 91-96) и группой строений XIII–XIV вв., среди которых особо выделяется храм в Мгвимеви, датированный 80-ми гг. XIII в. (Гомелаури 1982: табл. 2).

Б.Л. Альтшуллер, рассматривая двухапсидные храмы Московского княжества, соотносит их необычную архитектуру с изменением литургических особенностей и выделяет два хронологических этапа. Богоявленский собор конца XIV в. в Старо-Голутвином монастыре даёт ему основание для вывода, что малая северная апсида храма предназначалась для совершения проскомидии.

Подобное дифференцирование алтарного пространства, вызвавшее увеличение площади жертвенника, исследователь связывает с введением нового монастырского «Иерусалимского устава». Позднее, в подобных постройках конца XV–XVI в., получивших широкое распространение, меньшая апсида всегда располагается к югу от основного алтаря, а её необходимость была обусловлена устройством дополнительного придельного престола для совершения литургии (Альтшуллер 1977: 167-168).

Памятники Таврики, территория которой находится в средней части ареала распространения двухапсидных храмов, дали их исследователям основание для собственных обобщений.

Е.А. Айбабина отмечает, что появление подобных церквей как определённого вида небольших построек характерно для удалённых от центра районов Византии (Айбабина 1991: 199).

В.М. Мордвинцев и И.А. Кисиль предприняли попытку систематизировать данные о двухапсидных храмах Таврики и выяснить их истоки (Мордвинцев, Кисиль 2002: 187-191) (анализ этой попытки см. в главе 14 «Литургические особенности храма»). Они считают, что парные апсиды, хотя и противоречат традициям церковного строительства, могут характеризовать «духовное происхождение и земное бытие» Христа. По их мнению, эти архитектурные формы сложились «в Армении под влиянием переселенцев монофизитов, проповедовавших двуличность Иисуса Христа – Бога и Человека», а позднее указанный тип храмов был перенесён на территорию Крыма армянами - переселенцами (Мордвинцев, Кисиль 2002: 188-189).

Рис. 1.45. Внешняя продольная стена северного компартимента. Фрагмент. Обломки известкового туфа в забутовке кладки.
Вид с юго-запада.

Fig. 1.45. Wall of the northern part of the church, exterior side, fragment of lime tufa in the back filling of wall masonry,
view from southwest.

Рис. 1.46. Нартекс храма третьего строительного периода. Общий вид с северо-запада.

Fig. 1.46. Narthex of the church in the third building period, view from southwest.

Е.А. Паршина, опираясь на примеры церкви в Сотере и подобных сооружений Малой Азии (конец VI в.), Грузии (вторая половина VI в., X–XI вв., XII в., XIII–XIV вв.), Армении (XII–XIII вв.) и Московского княжества (XIV–XV вв.), считает, что двухапсидные храмы в ряде случаев могут бытовать длительное время и на достаточно широкой территории, а их возникновение в различных областях и в разное время, скорее всего, не имело единой генетической линии развития (Паршина 2002б: 129-130).

О.И. Домбровский предполагал, что двухапсидные церкви являются не отдельным типом сооружений, а частным случаем расширения одноапсидных часовен (Лосицкий 2002: 134). По его мнению, «строительство небогатых сельских церквей могло осуществляться не сразу в полном объёме, а поэтапно, по мере накопления средств», что и приводило к появлению подобных построек (Домбровский [б.д.]: л. 18).

Изучая морфологию двухапсидного храма, Ю.Г. Лосицкий пришел к выводу о том, что этот довольно редкий тип сооружений нельзя назвать вполне сформировавшимся с архитектурной точки зрения, чем, вероятно, и объясняется его малое распространение, равно как и отсутствие крупных построек. По его мнению, произошло механическое соединение двух объёмов одноапсидных часовен, которое вне зависимости от наличия разделяющих элементов не привело к образованию качественно нового типа сооружений, поскольку в нём не

выделился общий для всего строения центр композиции и отсутствует чёткое соподчинение главных и второстепенных элементов (Лосицкий 2002: 132-133). Мнение любопытно, но верно лишь отчасти, поскольку некоторые постройки изначально были двухапсидными и отличаются цельностью и гармоничностью, а их редкость обуславливается относительно слабой изученностью средневековой архитектуры Крыма.

На данном этапе исследований весьма важным в информационном плане является один из разделов монографии Л.Г. Хрушковой о раннехристианских памятниках Восточного Причерноморья, который посвящен изучению наиболее известного и иногда привлекаемого в качестве аналогии для крымских строений двухапсидного храма в Питуинте. Здесь представлена относительно полная сводка основных публикаций по теме, обычно недоступных исследователям в Восточной Европе. Автор довольно разносторонне рассмотрела два региона средневекового мира – Причерноморье и Средиземноморье, где имеются подобные сооружения, а также мнения изучавших их специалистов, не затрагивая при этом подобные сооружения в Таврике и Грузии как выходящие за хронологические рамки исследования (Хрушкова 2002: 91-96).

Беспорным достоинством работы Л.Г. Хрушковой является презентация русскоязычному читателю капитального труда греческого ученого Г. Димитрокаллиса (самостоятельный обзор его сочинения см. также в главе

Рис. 1.47. Юго-восточная стена храма. Кладки первого и второго строительных периодов. Общий вид с юго-запада.
Fig. 1.47. Southeastern wall of the church, wall masonry of the first and second building periods, view from southwest.

Рис. 1.48. Примыкание юго-восточной стены пристройки к первоначальному храму. Вид с северо-запада.
Fig. 1.48. Joint of the southeastern wall of the northern part of the church to the church building of the first building period, view of northwest.

14 настоящей монографии «Литургические особенности храма»). Исследовательница считает, что по сравнению с остальными специалистами Г. Димитрокаллис наиболее подробно на середину 1970-х гг. рассмотрел типологию и функции двухапсидных храмов, в публикации названных двуконховыми. Этим термином он обозначил сооружения, состоящие из двух равных или почти равных церквей, которые имеют апсиды, также близкие по размерам и форме. В своем Корпусе исследователь объединяет различные по хронологии и архитектонике сооружения, в результате чего раннехристианские базилики соседствуют здесь со средневековыми купольными церквями. По наблюдению Г. Димитрокаллиса, ареал распространения двухапсидных храмов описывает дугу от Армении до Италии, наибольшее количество примеров известно в Армении, Малой Азии, в Греции и, в особенности, на островах, а также в Италии. Памятники Малой Азии относятся к числу самых древних, поэтому предполагается малоазийское происхождение этого типа. Двухапсидные церкви в большинстве своём малы по размерам (см.: Хрушкова 2002: 94-95).

Анализируя двухапсидные постройки, Л.И. Хрушкова не упоминает весьма информативную публикацию Ф. Перголы, посвящённую средневековому сельскому храму на острове Корсика – двухапсидной церкви Санта Мариона в Тальчини (S. Mariona di Talcini), в контексте изучения которого им представлены другие подобные

сооружения севера Италии и тиренского региона. Тем самым исследователь в определённой мере смог заполнить некоторые лакуны работы Г. Димитрокаллиса. Ф. Пергола считает, что культовые строения с парными апсидами или двумя нефами были достаточно распространены в христианском мире и известны от начала Византийской империи до конца средних веков. Однако, поскольку в большинстве своём они имеют незначительные размеры, простые формы без характерных декоративных элементов и выполнены небрежно, а материалы о них опубликованы в малодоступных изданиях, то у исследователей создается неверное впечатление об их малочисленности (Pergola 1979: 98-103).

Появившийся в 1979 г. исчерпывающий и хорошо обоснованный отзыв М.Р. Капрары на труд Г. Димитрокаллиса позволил, в частности, дополнить корпус двухапсидных церквей новой информацией о строениях юга Италии, а также оспорить разделение, которое греческий исследователь делает между одно- и двухнефными церквями с двумя апсидами. Ф. Пергола, поддержав мнение рецензента, на примере храма Санта Мариона и баптистерия острова Комачина (Comacina) доказывает, что применение единственного нефа в подобных строениях является по сути дела лишь следствием их ограниченных размеров (Pergola 1979: 99).

Разнообразие плановых решений и отсутствие точных данных о назначении двухапсидных храмов,

Рис. 1.49. Деформация кладки стены между компартиентами. Общий вид с юго-запада.
Fig. 1.49. Deformation of the wall masonry between southern and northern parts of the church, view from southwest.

Рис. 1.50. Нартекс храма третьего строительного периода. Общий вид с северо-востока.
Fig. 1.50. Narthex of the church in the third building period, view from northeast.

Рис. 1.51. Кладка северо-западной части перегородки южного компартамента. Вид с северо-востока.
Fig. 1.51. Wall masonry of the northwestern part of the partition in the southern part of the church, view from northeast.

Рис. 1.52. Кладка северо-западной части перегородки южного компартамента. Вид с юга.
 Fig. 1.52. Wall masonry of the northwestern part of the partition in the southern part of the church, view from south.

Рис. 1.53. Кладка юго-восточной части перегородки южного компартамента. Вид с севера.
 Fig. 1.53. Wall masonry of southeastern part of the partition in the southern part of the church, view from north.

Рис. 1.54. Кладка юго-восточной части перегородки южного компартимента. Вид с запада.
Fig. 1.54. Wall masonry of the southeastern part of partition in the southern part of the church, view from west.

представленных многочисленными региональными вариантами, существенно затрудняет их обобщение, классификацию и терминологическое обозначение. В этом плане показателен пример уже известного нам пизундского храма. Его трактовка первым исследователем Т.М. Микеладзе как «двойного мартирия» вызвала возражение Л.Г. Хрушковой, которая считает, что самым приемлемым (нейтральным в литургическом и типологическом смысле) для данного здания является термин «двойная церковь» (*Doppelkirche*), использованный К. Весселем. По её мнению, эта постройка близка к храмам, получившим точное название «церкви-близнецы», у которых обе части симметричны относительно продольной оси и сообщаются между собой, образуя единое сооружение (см.: Хрушкова 2002: 93, 95).

Основываясь на историографическом обзоре Л.Г. Хрушковой возможно заключить, что интерпретация других известных двухапсидных объектов также может быть достаточно разнообразна. Ж.-М. Тьерри предлагает отличать двухапсидные, чаще всего однонефные церкви (*églises à double abside*) от действительно двойных, т.е. состоящих из двух помещений, каждое из которых снабжено собственной апсидой. Примерно так же (*bi-apsidal Churches*, *binated Churches*) подобные храмы трактует и Ш. Маргалит, отмечая случаи перестройки обычных церквей в двухапсидные. Некоторые исследователи предпочитают применять термин «двухнефная церковь». В частности, И. Элизбарашвили так называет грузинские храмы с дополнительным помещением, расположенным параллельно однопролётному

наосу. О двухнефных пещерных сооружениях Каппадокии сообщают турецкие исследователи: И. Етюкен среди них выделяет в отдельный тип (А) двухапсидные церкви VII–VIII вв., а Е. Акьюрек отмечает использование в храмовой архитектуре симметричных композиций с двумя апсидами, южная из которых могла служить баптистерием (см.: Хрушкова 2002: 93-94).

Среди памятников северо-западного Средиземноморья Ф. Пергола выделяет строения изначально двухапсидные, ставшие двухапсидными в результате ремонта, и двойные или сдвоенные церкви – в виде двух смежных сооружений с перегородкой, собственно храма и баптистерия, сообщающихся между собой. Архитектоника алтарной части этих церквей им представлена тремя вариантами планового решения – “*deux absides jointes*”, “*deux absides jumelles*”, “*deux absides accolées*” (Pergola 1979: 98-103). Предложенная Ф. Перголой классификация вполне применима к крымским объектам.

Причины, обусловившие появление двухапсидных храмов, до сих пор не выяснены. Чаще всего высказывается мнение о том, что каждая часть церкви обладала самостоятельными функциями: одна предназначалась для совершения Евхаристии, другая – для крещального или мемориального культа. Последнее подтверждается тем, что подобные храмы нередко строились на кладбищах. Согласно наблюдениям Г. Димитрокаллиса, приведённым Л.Г. Хрушковой, 86% от общего числа известных ему двойных церквей находится у воды – на берегу моря, реки, озера или на острове, которая для жителей Средиземноморья всегда была связана с кругом заупо-

Рис. 1.55. Кости животных в кладочном растворе передней стены. Вид с юго-запада, сверху.

Fig. 1.55. Animal bones remains in mortar of the front wall masonry, view from southwest.

кольных представлений. Л.Г. Хрушкова полагает, что эти характерные черты имеет и пицундский храм – он возведён на кладбище и расположен близ моря, а его южная половина, по аналогии с церквями в монастыре Алахан в Малой Азии и в Жистомисличах в Хорватии, могла служить баптистерием. Существует также предположение о том, что в двойных церквях одна часть была летней, а другая – зимней (Хрушкова 2002: 95-96).

Принципиально важным представляется мнение Т. Мэтьюза, согласно которому появление многопрестольных храмов в Византии объясняется процессом «приватизации литургии», связанным с установлением практики повседневного служения заказных Евхаристий в соответствии с семейными и частными нуждами. В частности, превращение храма в своеобразный семейный мавзолей, храм-усыпальницу, обуславливало необходимость проведения частных заупокойных служб, вероятно, не одной в день, что также определяло сооружение придельных алтарей (Чукова 2004: 62-63).

Однако семидворский храм – единственный из всех крымских двухапсидных объектов, который не имеет внутри захоронений – ни в основном помещении, ни в пристройке (Кирилко 2012), хотя его связь с расположенной рядом двойной могилой и некрополем ниже по склону представляется неслучайной, как и факт его сооружения на месте кенотафа эпохи бронзы (рис. 1.62) (см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений»). При относительной первостепенности поминальных функций данной церкви назначение двухчастного храма и причины, обусловившие его неоднократные перестройки, надо полагать, всё-таки были иными.

Несмотря на определённые параллели храму в урочище Еди-Евлер, известные в Малой Азии, и даже возможность возникновения самого типа двухапсидных храмов в этом регионе, в качестве одной из близких аналогий семидворскому строению (причём не стиливой либо хронологической, но, главным образом,

Рис. 1.56. Кости животных в кладочном растворе передней стены. Вид с юго-востока, сверху.

Fig. 1.56. Animal bones remains in mortar of the front wall masonry, view from southeast.

Рис. 1.57. Кости животных в кладочном растворе передней стены. Вид с северо-востока, сверху.

Fig. 1.57. Animal bones remains in mortar of the front wall masonry, view from northeast.

концептуальной и ситуативной) может быть названа церковь «Тхаба-Ерды» в Ингушетии (находится в верховьях р. Ассы, на правом берегу, близ с. Хайрах), обычно датируемая временем не ранее XII в. (рис. 1.70)⁴. По мнению Е.И. Крупнова, первоначально храм имел облик грузинского архитектурного памятника и был

⁴ Не менее любопытной, столь же ситуативной, является аналогия, предложенная А.Е. Мусиным – в виде композиционно близкого двухапсидного храма X–XI вв., исследованного в Богазкой (Хаттуса, Турция) (подробнее см. главу 14 «Литургические особенности храма»). Кроме целого ряда литургических и обрядовых параллелей, на мой взгляд, важно то, что попасть внутрь основного объёма данного храма можно было исключительно через северную пристройку с апсидой, имевшую два самостоятельных входа, из которых боковой (северный), соотносённый с поперечной осью здания и монастырскими воротами, был главным, а передний (западный), расположенный напротив жертвенника, второстепенным. Таким образом, этот храмовый компартимент, подобно тому, что наблюдается в семидворской церкви во втором строительном периоде, в пределах одного помещения сочетал в себе функции притвора и придела, обеспечивая не только сообщение с наосом, но и возможность совершения проскомидии.

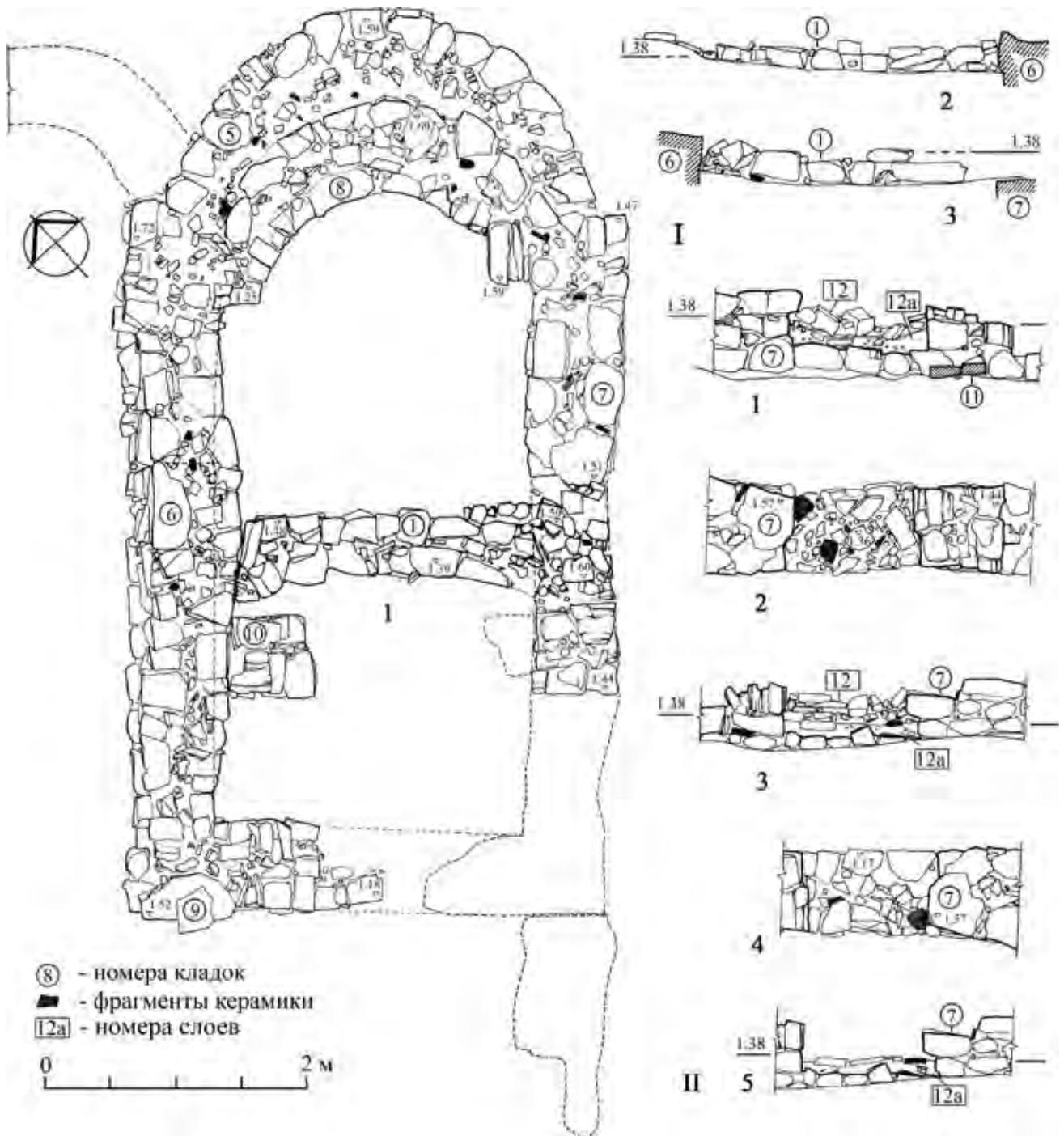

Рис. 1.58. Строительные остатки последней реконструкции храма. Планы и виды. I – кладка четвёртого строительного периода (кл. №1): 1 – план; 2 – вид с северо-востока; 3 – вид с юго-запада. II – южный вход: 4 – заполнения проёма, вид с северо-запада; 5 – заполнения проёма, план; 6 – заполнения проёма, вид с юго-востока; 7 – порог третьего строительного периода, план; 8 – порог третьего строительного периода, вид с юго-востока.

Fig. 1.58. Building remains of the last church rebuilding in the third and fourth building period, plans and views. I – wall masonry of the fourth building period (laying no 1): 1 – plan; 2 – view from northeast; 3 – view from southwest. II – southern entrance: 4 – closing of the doorway, view from northwest; 5 – closing of the doorway, plan; 6 – closing of the doorway, view from southeast; 7 – threshold of the third building period, plan; 8 – threshold of the third building period, view from southeast.

Рис. 1.59. Остатки кладки четвёртого строительного периода (кл. №1). Вид с северо-запада.
Fig. 1.59. Remains of wall masonry of the fourth building period (laying no 1), view from northwest.

Рис. 1.60. Остатки кладки четвёртого строительного периода (кл. №1). Вид с юго-запада, сверху.
Fig. 1.60. Remains of wall masonry of the fourth building period (laying no 1), view from southwest.

Рис. 1.61. Остатки кладки четвёртого строительного периода (кл. №1). Вид с северо-востока.
Fig. 1.61. Remains of wall masonry of the fourth building period (laying no 1), view from northeast.

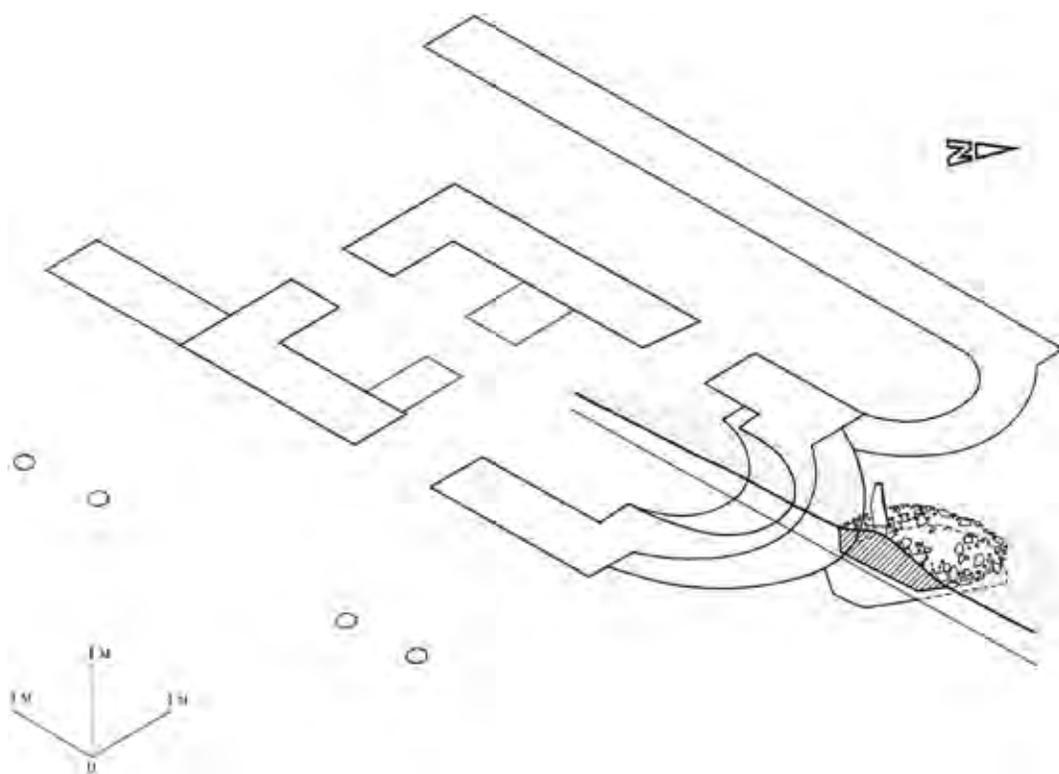

Рис. 1.62. Начальный этап освоения вершины холма Тузлук. Реконструкция. Вид с востока.
 Fig. 1.62. First stage of the cultural activity at the top of the Tuzluk hill, acsonometric reconstruction, looking west.

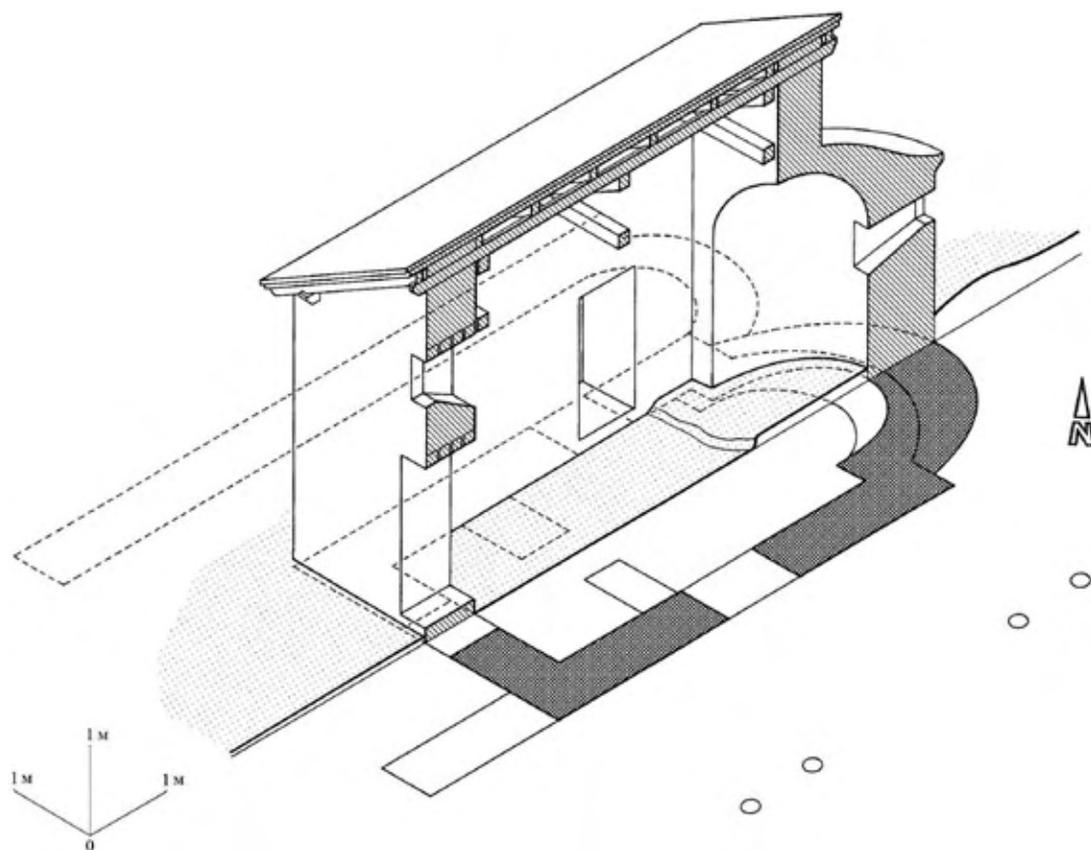

Рис. 1.63. Первый строительный период храма. Реконструкция. Вид с юга.
 Fig. 1.63. First building period of the church, acsonometric reconstruction, looking north.

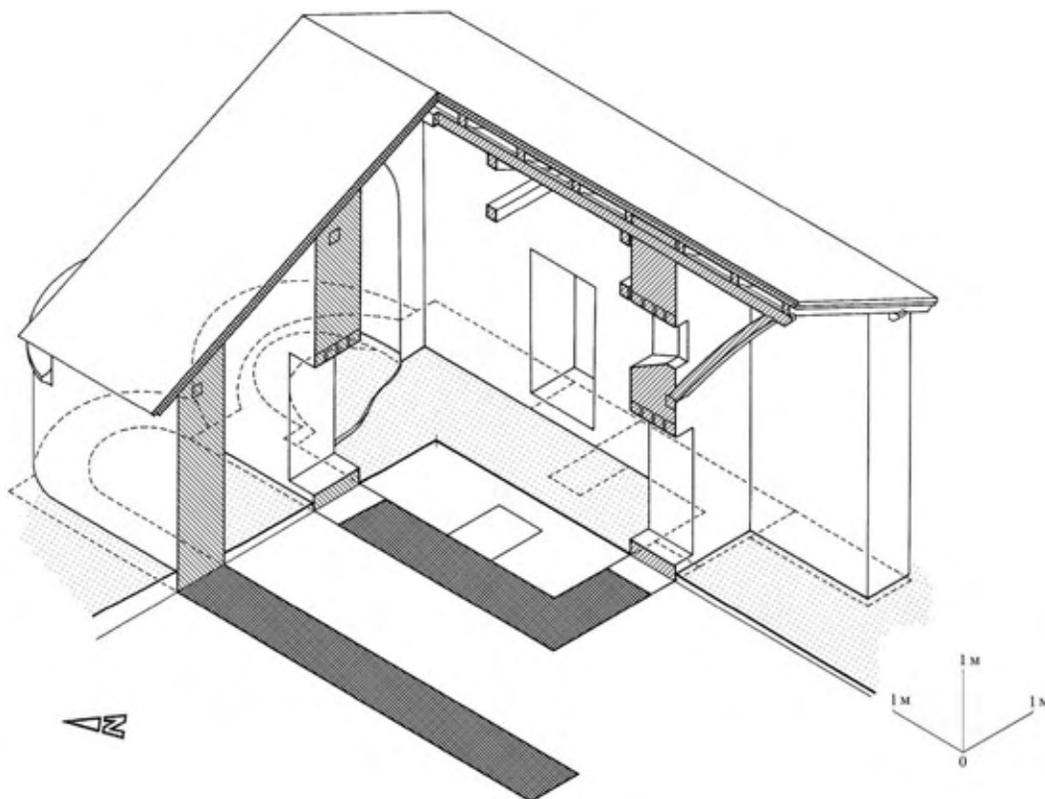

Рис. 1.64. Второй строительный период храма. Реконструкция. Вид с запада.
Fig. 1.64. Second building period of the church, acsonometric reconstruction, looking east.

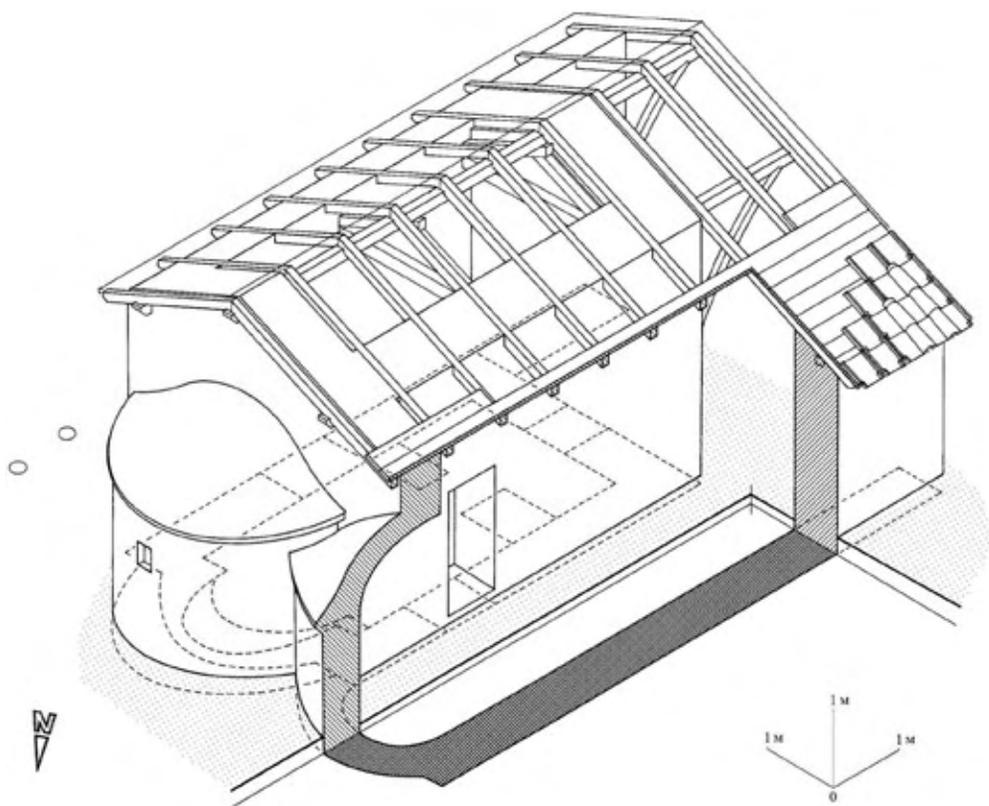

Рис. 1.65. Второй строительный период храма. Реконструкция. Вид с севера.
Fig. 1.65. Second building period of the church, acsonometric reconstruction, looking south.

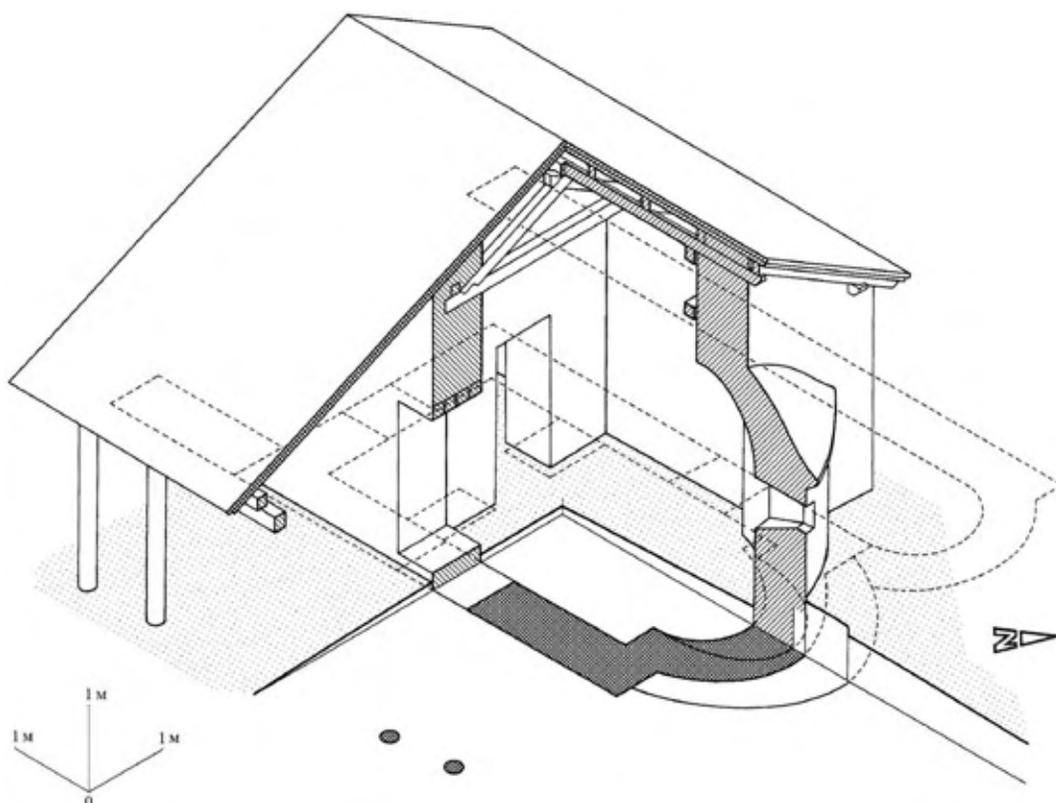

Рис. 1.66. Третий строительный период храма. Реконструкция. Вид с востока.
Fig. 1.66. Third building period of the church, axonometric reconstruction, looking west.

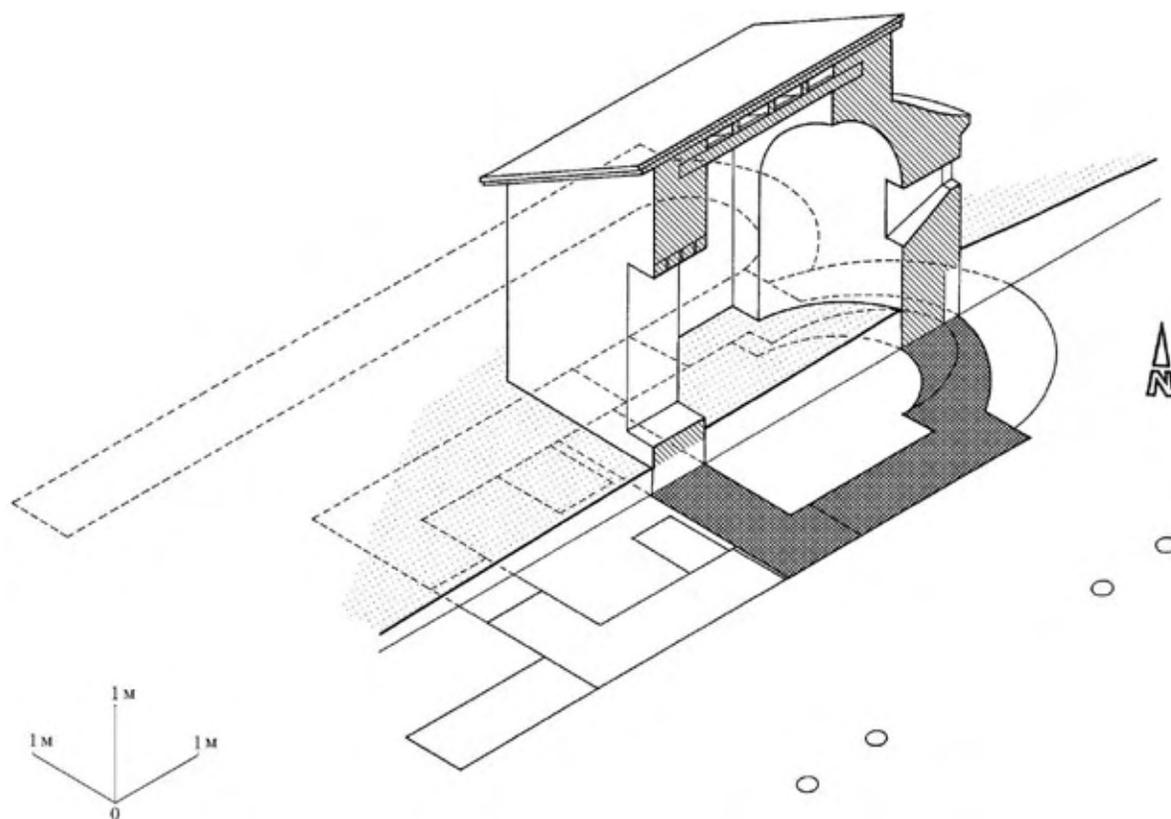

Рис. 1.67. Четвёртый строительный период храма. Реконструкция. Вид с юга.
Fig. 1.67. Fourth building period of the church, axonometric reconstruction, looking north.

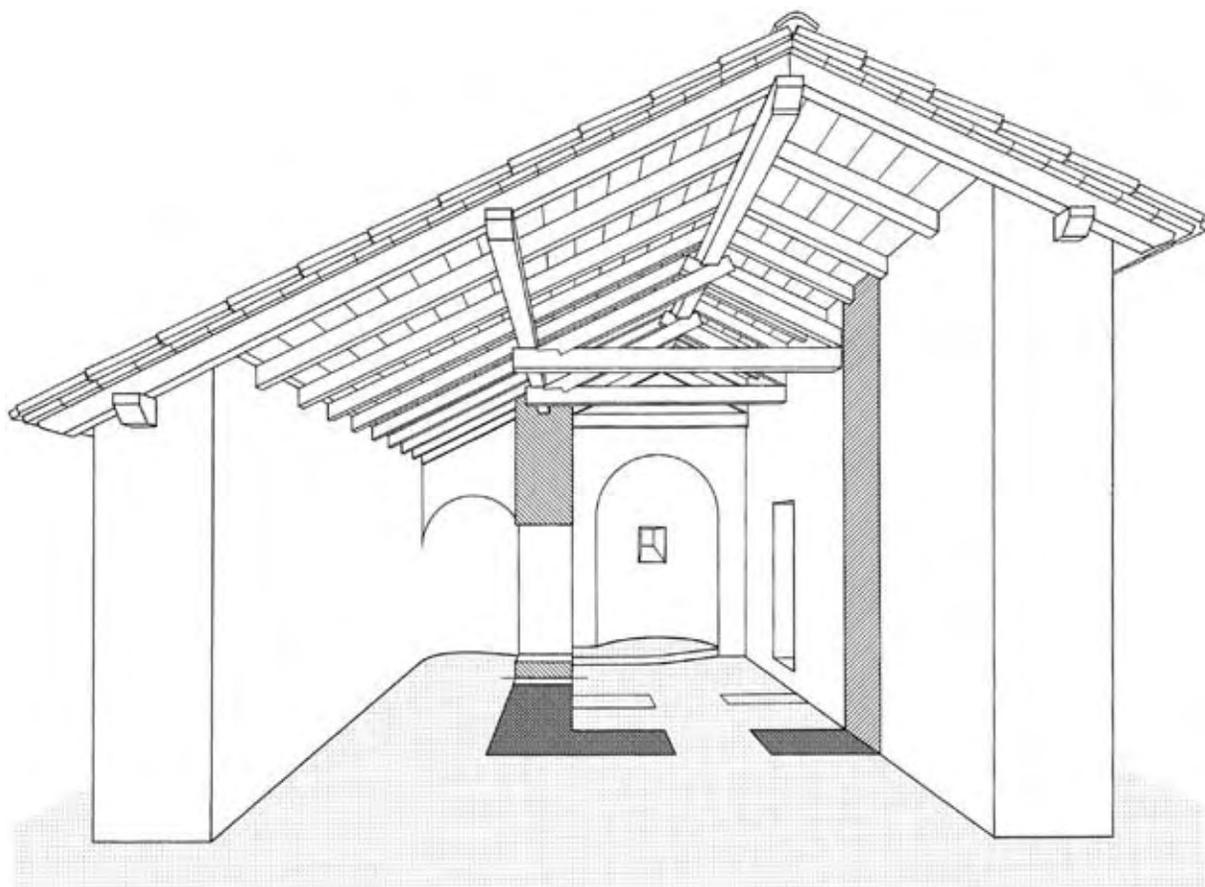

Рис. 1.68. Интерьер двухапсидного храма. Реконструкция. Вид с юго-запада.
Fig. 1.68. Interior of the church, acsonometric reconstruction, looking northeast.

Рис. 1.69. Кладки нижней части стен двухапсидного храма. Общий вид с юго-запада.
Fig. 1.69. Wall masonry of the church, low rows, view from southwest.

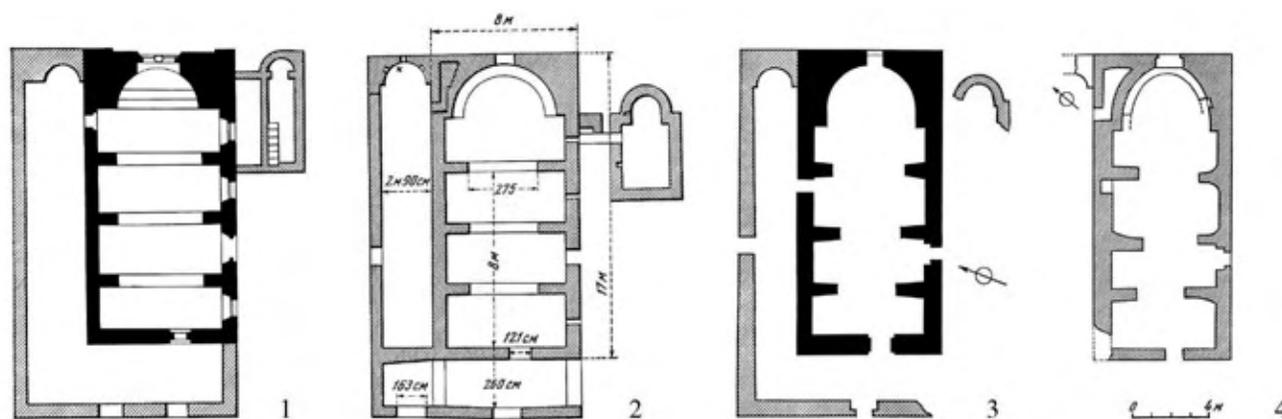

Рис. 1.70. Планы храма «Тхаба-Ерды», Ингушетия: 1 – по М. Энгельгардту, 1811 г.; 2 – по В.Ф. Миллеру, 1886 г.; 3 – по Е.И. Крупнову, 1939 г.; 4 – по В.И. Марковину, 1966 г. (по: Кузнецов 1980: рис. 56, 57).

Fig. 1.70. Plans of the «Tkhaba-Erdy» church made by different researchers as a parallel to the Yedi Evler sanctuary, Ingushetia, Russian Federation.

возведён, скорее всего, при Давиде Строителе (1089-1125), когда централизованное Грузинское государство впервые стало активно включать в сферу своего влияния горцев Северного Кавказа (Крупнов 1947: 116-125; 1971: 87-88). Свой окончательный вид, во многом сопоставимый с архитектурой семидворской церкви, он получил после перестройки здания местными малоквалифицированными мастерами⁵, в результате которой, в частности, основной объём сооружения был дополнен совмещёнными нартексом и северным нефом с апсидой. Первоначальные храмовые постройки в Ингушетии и в Крыму, помимо значительной разницы в размерах, существенно различаются между собой основными конструктивными и архитектурно-декоративными характеристиками, но соотносимы по своей планировке, прежде всего, с учётом количества и одинаковым расположением дверных проёмов – по три в каждом из сооружений: с южной, западной и северной стороны. Дополнительное сходство им придает появление после ремонта новых внутренних конструкций: перегородки в наосе семидворского храма

и пилонов «Тхаба-Ерды». Определённой параллелью могут быть линейные изображения на поверхности штукатурки, нанесённые красной краской – подобная традиция известна в некоторых архитектурных памятниках Ингушетии (Крупнов 1971: рис. 54, 55), хотя не менее яркие примеры таких росписей демонстрируют пещерные храмы Каппадокии (рис. 1.37).

С Северным Кавказом и, отчасти, Восточным Приазовьем может быть связано появление на территории Крыма в предшествующий период и специфической строительной техники возведения стен – кладки «в ёлку», обычно соотносимой с хазарским присутствием на полуострове (Баранов 1990: 45). Подобная конструкция была распространена ещё в античное время под названием *opus spicatum* («рыбья кость») и на ранних крымских памятниках представлена таким ярким примером как цистерна Судакской крепости – сооружение, более известное как Приморское укрепление (Джанов 2004: 63, рис. 5, 6). Истоки же средневекового варианта кладки стен, вероятнее всего, имеют кавказское происхождение, которое в свою очередь было обусловлено геологическими особенностями региона, а именно происходившим в I тыс. н.э. интенсивным опусканием земной поверхности и связанным с этим массовым появлением обломочного материала в виде речной гальки. По мнению специалистов, отсутствие на больших территориях каких-либо других строительных материалов привело к тому, что ещё в древности в Грузии была разработана соответствующая методика строительства – примерно одинаковые по размерам гальки при кладке располагаются строго параллельно своими плоскими сторонами, несколько косо по отношению к нижней плоскости. Углы здания при этом обычно делаются из тесаного камня или кирпича. Для скрепления кладки использовалась известь с примесью песка и мелкой гальки (Петров 1984: 145-146, рис. 42).

На крымских памятниках в подобных конструкциях

⁵ По мнению Г.Г. Гамбашидзе, осуществившего раскопки памятника, современный вид храм приобрел в XV–XVI вв. после ремонта его ингушами, которые приспособили здание для отправления богослужения в соответствии со своими родовыми культурами. Исследователь считает, что самое раннее сооружение имело вид трёхнефной базилики, а строительство храма было начато в IX в. и завершено в конце X – начале XI в., при кахетинских правителях Квирике II (929-976) и Давиде (976-1010) (Кузнецов 1980: 168). В своё время небезынтересное наблюдение, связанное с использованием здания после прекращения проведения в нём православных служб, сделал В.Ф. Миллер: «Любопытно, что четырьмя, образуемыми арками, отделениями церкви местные жители воспользовались оригинальным образом, поделив их между четырьмя аулами: в 1-м справляли праздник Яулинцы, во 2-м – Акальцы, в 3-м – Хамхинцы, в 4-м – Таргинцы. Во время торжества жители каждого из этих аулов варили пиво в своем отделении, резали баранов и быков» (Миллер 1888а: 17-18). Тенденция к дифференциации внутреннего пространства здания, получившая своё выражение в постепенном усложнении плана, имела место и в семидворском храме.

применялся исключительно подручный кладочный материал – в основном брался обычный плитчатый камень разной величины. Известны случаи возведения таких стен из совершенно непригодного для этого округлого бута инкерманского известняка и даже блоков сырцового кирпича (Баранов 1990: 48-55, 65, 137). Имеются многочисленные примеры и классического галечного варианта кладки. Наиболее показательный пример представлен остатками «салтово-маячной постройки», которые были обнаружены И.А. Барановым во время раскопок 1989 г. на берегу моря в 200 м к востоку от поймы р. Ворон близ с. Морское (Капсихор) (Судакский район, Крым). Отметим, что в слое углей и гари под кладкой среди керамических изделий второй половины IX–X в. найден «железный равноконечный кованый крест с горизонтальным крючком для крепления к деревянному основанию» (Баранов 1989: л. 22-23).

Подводя итоги изучению архитектурно-конструктивных особенностей и строительной истории двухапсидного храма в урочище Еди-Евлер, автор настоящей главы полагает, что формирование объёмно-планировочной структуры данной церкви было поэтапным и происходило следующим образом.

В своём первоначальном виде храм представляет собой почти обычное для региона православное культовое строение с отдельными характерными признаками (несколько входов в наос, убранство интерьера, сохранение архаичных ритуалов), соотносимыми с традициями северокавказской церковной архитектуры⁶. Этнический состав общины, в определённой мере, позднее мог повлиять и на реконструкцию здания, превратившую его в двухапсидное сооружение (рис. 1.68-1.69). Однако, поскольку устройство се-

верного входа в раннем храме обуславливалось требованиями литургии и бесспорно предполагало возведение впоследствии специального помещения для жертвенника, изменения архитектоники во втором строительном периоде, вероятнее всего, были предусмотрены изначально⁷. Последовавшее затем, при восстановлении полностью разрушенного здания, упразднение северной пристройки и закладка прохода между компартиментами превратили прежнее сооружение в храм традиционного типа, который имел прямоугольный в плане наос с нартексом и одной полукруглой апсидой. К особенностям окончательного вида строения стоит отнести наличие двух входов, западного и южного, и существование деревянного навеса с черепичной кровлей у южной стены.

⁶ См.: Пищулина 2007б. Отметим, что этим традициям могли сопутствовать некоторые местные обычаи. Ситуация, близкая к зафиксированной в семидворском храме, известна и в одной из церквей в Ингушетии на левом берегу р. Ассы у с. Таргим, где раскопки выявили предметы вооружения и быта и останки жертвенных животных. Очевидно, христианский храм начала XIII в. был со временем приспособлен вайнахами для отправления языческих обрядов. В XVII–XVIII вв. он уже функционировал исключительно как объект языческого культа (Мужухоев 1980: 181, 183). Автор считает возможным поставить вопрос об уровне христианизации местного населения, проживавшего в урочище Еди-Евлер. Так, представляется, что до обновления здания в третьем строительном периоде семидворский храм некоторое время пребывал в запущенном состоянии, на что вроде бы указывают характерные отложения культурного слоя, образовавшиеся в результате ветхости постройки и протекания кровли. Однако, как было отмечено выше, византийские постройки постоянно сопровождали проблемы с протечкой крыш, и это наблюдение не свидетельствует однозначно в поддержку высказанной гипотезы. Вообще же, недостатки приобщения обитателей Крыма к христианству вполне могли иметь место, на что указывали в конце VIII – начале IX в. константинопольский монах Епифаний и, чуть позже, в середине IX в. св. равноап. Кирилл-Константин (Васильевский 1909: 268; Житие Константина 1981: 85-86, 122-123). Со смешением византийских обрядов с племенными обычаями, очевидно, пришлось столкнуться и иеромонаху Матфею во время его путешествия по Крыму на рубеже XIV–XV вв. (Байер 2001: 287), а также о. Ламберти при посещении Мингрелии в XVII в. (Ламберти 1877: 200-208) (об этом подробнее см. ниже в главе 14 «Литургические особенности храма»).

⁷ Вероятнее всего, двучастность церкви была обусловлена особенностями ранневизантийской церемонии входа верующих в храм и приношения ими даров для Евхаристии (об этом см.: Сорочан 2005а: 340), которые, с учётом провинциального характера крымских территорий, на удалённых от городских центров местах вполне могли проявляться в течение длительного времени, гораздо позже VIII в. Аналогичный процесс наблюдается и в древнерусской литургии XI–XII вв., когда сознательное участие мирян в чине проскомидии сопровождалось свободным доступом в жертвенник. Пример церкви св. ап. Иоанна Богослова в Луцке показывает, что общинные традиции эпохи Крещения Руси могли ещё долго существовать в литургической практике, по крайней мере, они отмечены в начале XIII – конце XIV в. (Мусин 2004б: 147-148; см. также главу 14 «Литургические особенности храма»).